

Коммуникативный острог

В XX веке возникло качественно новое социальное явление – интеллектуальные заболевания. Не психические и физиологические, описываемые в понятиях медицины, а именно интеллектуальные, описываемые в понятиях логики. Эти заболевания достигли масштабов эпидемий. И исходят они не из безграмотности, невежества и глупости, а из среды образованных людей, с высот достижений науки и техники.

А.А. Зиновьев «Логический интеллект»

Введение

Из названия статьи очевидно, что она посвящена «коммуникации» как некоторому способу деятельности и «коммуникативной программе», как некоторому философскому течению, призванному ответить на ряд принципиальных вопросов в общественном знании.

Однако прежде чем приступить к анализу логико-эпистемологических оснований коммуникативной программы, мы хотели бы дать понять читателю – насколько такой анализ важен и насколько он сегодня востребован, почему он востребован, и что может получиться, если такой анализ будет опущен.

Причина нашего беспокойства заключается в том, что интеллектуальная обстановка в России часто оказывалась в сложной ситуации по весьма простой причине: существования рядом с ней другого интеллектуально - культурного центра, которому по самой его природе свойственна «активно-наступательная» стратегия отношения к миру в целом, и другим культурным центрам, в частности.

Из истории мы хорошо помним примеры такого воздействия на интеллектуально-культурную обстановку в России. П. Чаадаев, в начале 19 в. договорился до того, что отказал русской культуре в самобытности, за что не без оснований был квалифицирован русским Императором как человек с симптомами душевной болезни и, следовательно, не вполне вменяемый. Юный Ф.М.Достоевский был увлечен идеями социалистов и, лишь пройдя каторгу – то есть пожив в условиях «принудительного общения», или, так сказать, в условиях «камерного социализма» - в зрелые годы написал о социалистах-революционерах обличительную работу, назвав её «Бесы». Л.Тихомиров и С.Н.Булгаков изначально были увлеченными марксистами – восторженно проповедуя марксизм в среде русской интеллигенции - и лишь гораздо позднее, в зрелые годы, поняв к чему, приводит «воплотившийся» и «вогосударствлённый» марксизм, со всеми его кровавыми террорами, концлагерями и подневольным

рабским трудом, стали его бескомпромиссными критиками. Казалось бы, после такого почти полуторавекового испытания, русский интеллектуально-культурный организм должен был бы выработать внутри себя защитную реакцию, способную сделать его устойчивым к любым новым вызовам, исходящим из источника, доставившего столько хлопот в прошлом

Но нет! Мы вынуждены с горечью констатировать, что ситуация не только не изменилась к лучшему, но, наоборот – с девяностых годов прошлого века – усугубилась, подорвав даже те здоровые силы, которые еще могли проявить себя в 19-м и начале 20 в.

Сегодня уже нет ни русского Царя, который мог бы деликатно указать на душевную невменяемость, не писателей уровня Достоевского, которые могли бы «исправить нравы» молодого поколения своим авторитетом. А что же есть? Есть умноженное во много раз желание «восторженного принятия» уже где-то и кем-то разработанных «учений»¹, которыми следует «наполнить» образовавшийся, после официальной «международной» отставки марксизма, вакуум «русского сознания». Что же это за учения ?

На первый взгляд эпатажная новизна этих учений «восхищает», «изумляет» и, буквально, приводит к «умственному оцепенению» уже готовое к восприятию «современных» и «новейших» взглядов, но еще не вполне освободившееся от марксистской зависимости постсоветское сознание.

Вакуум жаждет насыщения!

Итак, что же это за «новейшие» и «современные» учения? Ответ поразительно прост – это постмодернизм и интересубъективизм (коммуникативная программа). Если повальное увлечение первым - принявшее в девяностые годы прошлого века форму российской университетской пандемии – сегодня начинает потихоньку сходиться на нет, то коммуникативная программа, внешне выглядящая более респектабельно за счет наружного дистанцирования от радикального нигилизма, начинает приобретать в современной общественнонаучной среде России форму самоочевидного откровения конца прошлого и начала настоящего столетия. С помощью коммуникативной программы сегодня пытаются обосновать естественнонаучное знание, мораль, право и искусство. О философии уже и говорить не приходится: К.-О. Апель прямо заявляет, что всё философское знание можно дихотомически разделить на знание «докоммуникативное» и знание «коммуникативное».

¹ Ситуацию такого типа в 19 в., связанную с распространением на русской интеллектуальной почве «позитивизма», мы уже рассматривали в другой работе: Павленко А.Н. Лицо русской философии//Философия и культура, М. 2009, № 6 (18).

И вот здесь как нельзя, кстати, будет вспомнить, что и постмодернизм, и коммуникативная программа, разнясь по некоторым несущественным чертам, имеют один их общий корень – этим корнем, как это не покажется странным, является марксизм. Наставником апостола постмодернистов М.Фуко был марксист Л. Альтюссер¹, а коммуникативная программа в её новейшем варианте, представленном работами Ю. Хабермаса, рождается в атмосфере реинкарнированного марксизма франкфуртской школы.

Как видим, много событий унесла река времени с конца 19 в., но берега её всё те же!

Именно поэтому, «интерсубъективизм» как философская идеология и «коммуникативная программа» как исторически частная форма проявления этой идеологии, заслуживают того, чтобы проанализировать её основания самым серьезным образом, избегая поинтеллигентски «восторженного приятия», равно как и поверхностного критицизма, покоящегося на одном желании «отрицать».

Необходимо отметить, что в ряде предыдущих работ² нами уже были получены логико - эпистемологические результаты, которые дают весьма веские основания подвергнуть сомнению претензии интерсубъективизма (коммуникативной программы) быть «новейшей философской основой современности». Самым серьезным её недостатком является, безусловно, обнаруженный нами порочный круг³ в обосновании общезначимости коммуникативно принятых утверждений. Уже одно только обнаружение круга достаточно для того, чтобы «закрыть» эту программу как дискурсивно осмысленный способ обоснования знания вообще.

Однако область недостатков коммуникативной программы гораздо шире и не ограничивается одним порочным кругом, что мы и продемонстрируем в настоящей работе.

Для ясности излагаемого далее материала воспроизведем еще раз базовые утверждения коммуникативной программы:

¹ Любопытно, что Альтюссер расходится со своим учеником не на идейной почве, а, так сказать, на физиологической – Альтюссер не принимает радикального гомосексуализма своего ученика.

² Павленко А.Н., Теорема о «затылке»//Вопросы философии.2005, №2; Павленко А.Н., Является ли коммуникативная программа обоснования знания универсальной?// Вопросы философии, 2009, №11;; Павленко А.Н., Коммуникативная доктрина морали и права: признание до обоснования//Мир человека: нормативное измерение 2.,Саратов, 2010.

³ Павленко А.Н., Круг в обосновании интерсубъективной программы в эпистемологии // Философия науки. Выпуск 14, М. ИФРАН, 2009; Pavlenko Andrey,Husserl, Wittgenstein, Apel: commutative expectations and communicative reality// Papers of the 32nd International Wittgenstein Symposium, Kirchberg am Wechsel, 2009, Volume XVII. P.332-334.

- 1) «Общезначимость» заменяет «истину»
- 2) «Сообщество» заменяет «индивида»
- 3) «Полилог» заменяет «монолог»

4) «Коммуникативное действие» заменяет «теорию»

Из приведенных тезисов в настоящей работе самым востребованным окажется тезис о замене «индивида» - «сообществом».

Итак, в данном случае мы ставим перед собой две задачи:

1) выявить – действительно ли невозможно существование отдельного и независимого от сообщества индивида - «чистого индивида»?

2) установить – действительно ли естественный язык так логико - грамматически устроен, что он изначально ориентирован на сообщество, а не на отдельных индивидов?

Ответом на эти вопросы и будет всё изложенное ниже, которое мы представим в виде явно выделенных аргументов интерсубъективизма (коммуникативной программы) и их логико - эпистемологического анализа.

1. Аргумент «о невозможности чистого индивида»

Рассмотрим аргумент, отсылающий к невозможности «чистого индивида» и как следствие - к невозможности «чистого монолога».

Утверждения о том, что «индивид» не может быть и не является «чистым» в отношении к коммуникативному сообществу одинаково близок как Апелю, так и Хабермасу.

Апель замечает по поводу участника коммуникации: «...в «синтезе апперцепции», где Я одновременно полагает и свой предмет, и самого себя в качестве мыслящего, *Я в то же время совпадает с трансцендентальным коммуникативным сообществом* (курсив мой – А.П.) , каковое одно в состоянии подтвердить смысловую значимость собственного само- и миропонимания»¹. Без этой трансцендентальной предпосылки познания, по мнению Апеля, последнее не могло превратиться в аргумент. А это и означает, что ни Кант, ни Фихте ещё не осознали этого и поэтому не смогли обосновать познание вполне удовлетворительно. Для нас здесь важно подчеркнуть намерение Апеля зафиксировать эту самую «тождественную неразличимость» познающего Я и трансцендентального коммуникативного сообщества, в которой это Я именно *растворяется*. Причём учитывая , что трансцендентализм кантового сознания трансформируется в трансцендентализм языка, Апель допускает и следующий шаг растворения Я, говоря о субъекте науки и комментируя подход

¹ Апель К.О., Трансформация философии, С.195.

Витгенштейна : «...поскольку речь тут идёт об эмпирическом человеке , постольку субъекта не существует, а существуют лишь объекты языка науки (естествознания). Поскольку же речь здесь идёт о Кантовом трансцендентальном субъекте, постольку функция этого субъекта *растворяется или исчезает* (курсив мой – А.П.) в трансцендентальной функции языка как границы мира»¹.

Далее, мы вынуждены привести ещё одну пространную цитату из работы Хабермаса, дабы нас не обвинили в том, что мы приписываем оппонентам взгляды, которых они никогда не высказывали, а затем их подвергаем критическому разбору.

Итак, Хабермас, в докладе «Философия как «местоблюститель» и «интерпретатор» », сделанном в Штутгарте в 1981 г. по существу озвучивает новую программу философствования: *«Место одиноко стоящего субъекта, который направляется к предметам и в рефлексии делает предметом самого себя, заступает не только идея познания, опосредованного языковым выражением и соотносённого с действием, но совокупная взаимосвязь повседневной практики и повседневных коммуникаций, в которую встроены интерессубъективные в своих истоках и в то же время достигаемые в сотрудничестве познавательные результаты* (курсив мой – А.П.)»². И далее, почти в поминальном тоне, Хабермас говорит об устаревшей «эпистемологии» и ,наоборот, не без воодушевления, о новых «способах тематизации»: *«Тематизируется ли эта взаимосвязь как форма жизни или жизненный мир, как практика или опосредованное языком межличностное общение, как языковая игра или диалог, как культурный фон, традиция или история деяний, решающим является то обстоятельство, что все эти основанные на здравом смысле понятия приобретают, теперь тот ранг, который до с их пор был характерен для фундаментальных понятий эпистемологии, хотя они, разумеется, и не должны выполнять те же функции, что и последние (курсив мой – А.П.)»*³.

Право автора – высказывать *любые* мысли, которое, однако, не должно исключать ответственности. Поэтому, автор ,скорее, имеет право высказывать «любые непротиворечивые мысли».Здесь, конечно, следует иметь ввиду, что в нашем случае речь идет об эпистемологии. Именно поэтому мы считаем необходимым заметить, что эпистемологическая концепция, отрицающая существование самостоятельного и «независимого индивида», сталкивается по меньшей мере с двумя внутренними затруднениями, которые мы выразим в форме двух тезисов: сильного и слабого.

1.1. *Сильный тезис: «индивид в отдельности не обладает ничем,*

¹ Апель, С.212.

² Хабермас, Моральное сознание и коммуникативное действие, С. 19.

³ Хабермас, МСиКД, С.19.

что не было бы продуктом коллектива»

Если мы допустим существование «связанного и только связанного индивида», под которым будем понимать существо, не содержащее в себе равным счётом ничего, что не было бы в свою очередь продуктом коллектива, то мы вынуждены констатировать возникающую угрозу абсурда. Поясним.

Итак, представим аргументацию, защищаемую сторонниками коммуникативной программы в отношении «невозможности существования чистого индивида», в качестве явных категорических суждений, то есть попросту построим некоторую социально-коммуникативную модель. Причём сразу отметим: несмотря на то, что моделируемые условия идеальны, они, тем не менее, отражают существенные характеристики коммуникативной программы, а именно тот предельный случай, когда вообще отрицается за человеком всякая «внекоммуникативная индивидуальность».

В определённом смысле мы намереваемся построить модель «коммуникативного сообщества», в которой фиксируются базовые или если угодно - важнейшие требования коммуникативной программы. Конечно, от модели невозможно требовать «полного соответствия с реальностью» коммуникативного сообщества – просто общающихся людей. Но в таком требовании и нет необходимости. Задача заключается именно в том, чтобы эта модель отражала существенные признаки реальной коммуникации, без которых, согласно её сторонникам, она в принципе невозможна.

Для этого введём такие понятия как «коллектив» и «индивид». Кроме этого сделаем несколько предварительных допущений:

а) Понятие «коллектив» – на языке сторонников коммуникативной программы это «*коммуникативное сообщество*» – будем рассматривать в несобирательном смысле как *совокупность индивидов* его составляющих.

б) Под «индивидом» будем понимать один элемент этого коллектива, то есть человека взятого - поскольку мы находимся в области эпистемологии - как существо познающее и знающее.

в) От всех других характеристик человеческого индивида мы просто отвлечёмся. Для нас будут несущественными – род занятий индивида, его возраст, пол, профессия и т.д.. Существенным будет только его способность «познавать».

г) Причём, мы вправе допустить как существование «коллектива» состоящего из большого и даже огромного числа индивидов, так и существование «коллектива», состоящего из одного единственного индивида. Последний случай будем считать «вырожденным», и поэтому условимся считать, что коллектив состоит, по меньшей мере, из двух индивидов, просто по определению латинского *collectivus* – «скопившийся, собранный вместе, соединенный».

д) «Характеристики индивида определяется коллективом», то есть

он появляется в коллективе, существует в коллективе и поэтому является носителем «коллективного». Лучше всего эту максиму выразил Маркс, сказав, что «сущность человека есть совокупность общественных отношений». Это не значит, что индивид как таковой не существует. Нет, это означает только то, что в индивиде, за минусом «общественных отношений» ничего существенного не остаётся.

Введя, таким образом, интересующие нас понятия и условия их понимания, позволим себе сформулировать в отношении к ним несколько утверждений.

Утверждение первое:

а) Коллектив состоит из индивидов.

Утверждение второе:

б) Каждый индивид в отдельности не обладает ничем, что не являлось бы продуктом коллектива.

Истинность суждения (а) является очевидной, ибо не существует такого коллектива, который бы не состоял из индивидов. Даже в предельном случае - когда имеется только один индивид - этот «коллектив» всё равно будет непустым множеством. С другой стороны, едва ли найдется такой безумец, который будет утверждать, что коллектив не состоит из индивидов.

Истинность суждения (б) не столь очевидна. Но мы условились считать, что рассматриваемая нами модель хоть и является искусственной, тем не менее, отражает реальное положение дел в коммуникативной эпистемологии. Это означает, что сторонники коммуникативной программы, сами в идеале стремятся к тому, чтобы элиминировать всякие условия «монологичности» или как её называет Апель - «методического солипсизма». А что это означает? В нашем случае, это значит, что всякий участник коммуникативного общения должен минимизировать свое «индивидуальное» во имя коллективного. Ведь если спросить сторонников коммуникативной программы: «почему не существует монолог?», то в ответ мы услышим: «потому, что не существует чистых индивидов». И далее : «ведь каждый индивид, потому и Индивид, что является продуктом общественных отношений (Маркс), совокупностью коммуникативных действий (Хабермас)», «Я» которого равно трансцендентальному сообществу (Апель) . Другими словами, «языком индивида» говорят общественные отношения, действия, ценности, регулятивы и нормы. Но именно такое понимание природы индивида и отражает суждение (б).

Следовательно, если суждения (а) и (б) верны, то мы имеем право сделать, опираясь на их содержание, вывод:

γ) Коллектив состоит из индивидов, каждый из которых в отдельности не обладает ничем, что не являлось бы продуктом коллектива.

Очевидно, что мы пришли к абсурду. Ибо, если у каждого индивида

в отдельности нет ничего, чего бы не содержалось «во всём коллективе», то в самом «коллективе» должно содержаться это «ничто», что заполняет пустоту отдельного индивида. Но поскольку весь коллектив состоит из индивидов, в каждом из которых ничего не содержится, то и сам он - «коллектив индивидов», взятый, как мы и условились, в несобирательном смысле – ничего в себе содержать не может.

1.2. *Слабый тезис: «коллектив первичен, а индивид вторичен»*

Дело могут оспорить таким образом, что, мол, конечно, не существует таких «чистых индивидов», которые бы не обладали вообще никакой индивидуальностью. Индивидуальность есть в каждом, другое дело, что эта индивидуальность «вторична» в отношении к «первичности» коммуникативного сообщества.

Рассмотрим аргумент о первичности коммуникативного сообщества и вторичности индивида.

Опять сформулируем два утверждения:

а) Коллектив, который первичен, состоит из индивидов, индивидуальность которых вторична.

б) Каждый индивид обладает индивидуальностью, в которой нет ничего, что превосходило бы первичные свойства, являющиеся продуктом коллектива.

В результате мы приходим к выводу:

в) Коллектив, который первичен, состоит из индивидов, обладающих индивидуальностью, в которой нет ничего, что превосходило бы первичные свойства, являющиеся продуктом коллектива

Мы снова приходим к абсурду. Ведь, если «индивидуальность» отдельно взятого индивида вторична в отношении «коллективности» коллектива, то, следовательно, весь коллектив состоит из индивидов, индивидуальные свойства которых вторичны в отношении к коллективным свойствам всего коллектива. Но поскольку мы условились понимать коллектив в несобирательном смысле, то есть во всём коллективе нет ничего, чего бы не содержалось в совокупности «индивидуальностей» индивидов его составляющих, то, следовательно, и в самом коллективе нет ничего кроме «индивидуальностей» индивидов его составляющих. А раз так, то «коллективные» свойства коллектива не могут быть первичны в отношении к «индивидуальным» свойствам индивида. Следовательно, тезис о «первичности коллектива в отношении к вторичности индивида» является также ложным.

Здесь важно иметь в виду, что поскольку мы остаёмся в области эпистемологии, то понимание существа критики только что сформулированных аргументов могут мешать обыденные представления, которые, по аналогии, переносятся рассуждающим на эпистемологическую область. Поясним.

Представим, что на пешеходной тропе после урагана обнаружили камень весом в тонну. Понятно, что отдельный индивид, каким бы сильным он не был, будет не в состоянии передвинуть его к обочине. Однако, если придут пятнадцать индивидов и сообща, то есть коллективно, *сложив* усилия каждого - этот камень сдвинут. Таким образом, двигать камень будет не отдельный индивид, а *коллектив* индивидов, который является в данном случае простой суммой сложения физических усилий отдельных индивидов. Как и в рассмотренных тезисах, здесь коллектив не понимается в собирательном смысле. В нём нет ничего, помимо *сложения способностей отдельных индивидов*. Это простой пример по механическому перемещению тела в пространстве.

Однако если мы усложним задачу и «попросим» коллектив - по-прежнему, понимаемый в несобирательном смысле - не передвигать камень, а доказать теорему, написать симфонию или поэму, то ситуация окажется принципиально иной. Даже сложив усилия пятнадцати *способных к этому роду занятий людей* мы не получим ни доказанной теоремы, ни написанной симфонии, ни поэмы. В чём дело? Дело, с нашей точки зрения в том, что коммуникативное объединение действий индивидов *в рациональной области* не может «слагаться» так же, как оно слагало бы эти действия по механическому перемещению тела.

Главный вывод, который мы хотим сделать, опираясь на рассмотренные аргументы состоит в следующем: *само по себе общение (сама по себе коммуникация) ничего не прибавляет к тому, что уже содержит индивид*.

Было бы наивно отрицать роль коммуникации в качестве необходимого условия передачи знания, обучения, критики и т.д.. Но полагать, что коммуникация сама по себе содержит нечто большее (даёт нечто большее), чем уже наличествует у совокупности общающихся индивидов, значит неминуемо сталкиваться с теми абсурдными следствиями, которые были рассмотрены нами выше.

2. Аргумент о «невозможности индивидуального творчества»

Обращаясь к анализу коммуникативной программы невозможно не обратить внимание на такие её особенности, которые радикально отличают данную программу от любых других.

Показательной в этом отношении является критика Хабермасом концепции Тугендхата. Тугендхат утверждает, что пропозициональные предложения обосновываются с помощью соотнесения с положением вещей и дел, а ценностные суждения обосновываются, в конечном счете, волевой установкой субъекта ценностного высказывания. Человеческая же воля всегда «монологична».

Хабермас возражает, пытаясь доказать невозможность монолога. Почему Хабермасу и его сторонникам так важно дезавуировать значение монолога?

Потому, что: 1) если удастся показать возможность монолога, то наличие социума *оказывается не необходимым*; 2) монолог объясняет творчество как *индивидуальное творчество*.

Если же нет «монолога», то тем самым дезавуируется и старое представление о творчестве как *деятельности независимого и свободного индивида*. Если же нет индивидуального творчества, то на его место заступает коллективное (коммуникативное) квазитворчество; 3) Поскольку коллектив – в действительности – не способен и не в состоянии что-либо породить (сотворить), постольку достижения способного к творчеству индивида делятся «равными долями» на всех участников «сотворчества». Таким образом, *лишенные способности создавать*, фактически, легитимизируют свои притязания на «долю» в *достижениях способного индивида*. Причём, делают это двойкой. Во-первых, убеждая его в том, что по своему определению «творчество» есть коллективной род деятельности, а самостоятельного и независимого (чистого) индивида, помимо его социальных связей и отношений, не существует в принципе. Следовательно, та доля, которая принадлежит индивиду, как он полагает, «по праву», никак не может быть равна всему его творению. Индивид, в известном смысле, «взяв займы» у социума свои ценности, способности, наклонности, умения, знания и т.д., и получив результат (произведение, шедевр), обязан его с этим социумом разделить. Социум есть предпосылка его творчества, которая обеспечила ему успех. С другой стороны, его результат (достижение) рассчитан на социум, который выступает уже в другой ипостаси – потребителя его творения.

В результате мы видим, что индивид растворяется в «коммуникативной среде», первый раз как *источник творения*, а второй раз - как *его результат*.

3. Аргумент о «невозможности монолога» (частный случай аргумента об «отсутствии чистого индивида»)

Сторонники коммуникативной программы часто утверждают, что «монолог» как таковой в принципе невозможен. Почему, спросим мы? Потому, отвечают сторонники коммуникативной программы, что всякое общение «диалогично» или «полилогично». Это значит, что всякое обращение человека – устное или письменное, во внутренней речи или во внешней – обязательно обращено к «другому». Этот «другой» и составляет необходимый *второй полюс* высказываний всякого человека.

Внешне этот аргумент выглядит неуязвимым. Действительно, а к кому же ещё может обращаться человек, как не к «другому», если он, конечно, психически вменяем. Однако не будет торопиться.

Для более внимательного анализа утверждения о том, что «любой говорящий всегда обращён к «другому» рассмотрим природу самих его

«обращения»). Из чего состоят такие обращения? На этот вопрос мы можем ответить достаточно точно: из *высказываний*. Видя возможную угрозу в таком направлении анализа коммуникации, Хабермас, как мы могли убедиться выше, заблаговременно предупреждает, что коммуникация не отсылает к «пропозициям», которые ориентированы на истину и ложь, она отсылает к обыденной речи. Допустим. Но совсем избежать этого пути никак не удастся, просто потому, что обыденная речь тоже состоит из высказываний (пропозиций). Пусть это не будут явно выраженные категорические суждения, истинные или ложные, но это всё-таки будут высказывания. Пусть это будут любые известные способы высказываний.

3.1. Предопределено ли содержание высказывания в обыденной речи наличием «другого»?

Какие типы предложений мы знаем? Их очень много¹, поэтому мы выберем только те, которые всем хорошо известны: категорические, экзистенциальные, вопросительные, восклицательные и модальные. Для иллюстрации приведём простейшие примеры:

1) *Категорическим* является высказывание «Земля есть планета».

2) Предложение «Русалки существуют» является *экзистенциальным*, ибо в нём утверждается о существовании² такого объекта как «русалки».

3) «Имеется ли жизнь на Марсе?» является *вопросительным* предложением, ибо в нём выражено затребование дополнительной информации в отношении наличия на планете Марс признаков жизни.

4) Предложение «Ты, молодец!» является *восклицательным*, ибо в нём говорящий выражает свою оценку, окрашивая её эмоционально, в отношении того, к кому он обращается.

5) Предложение «Возможно, завтра наступит конец света» является модальным, ибо в нём говорится не просто о факте, который имеет место, но о таком факте, который, во-первых, только «возможен» и, во-

¹ Витгенштейн, например, вообще занимал радикальную позицию по вопросу о том, сколько типов предложений существует: «23. Сколько же существует типов предложения? Скажем, утверждение, вопрос, повеление? - Имеется *бесчисленное* множество таких типов - бесконечно разнообразны виды употребления всего того, что мы называем "знаками", "словами", "предложениями". И эта множественность не представляет собой чего-то устойчивого, раз и навсегда данного, наоборот, возникают новые типы языка, или, можно сказать, новые языковые игры, а другие устаревают и забываются. (Приблизительную картину этого процесса способны дать нам изменения в математике.)» Витгенштейн Л., Философские исследования.

² В данном случае мы опускаем полемику о природе экзистенциальных высказываний и о том, что «существование» не может быть предикатом. Несколько подробнее эта тема рассмотрена нами в другой работе: Павленко А.Н., Радиофундаментализм//Вопросы философии, М. 2008, № 2.

вторых, возможен в «будущем».

Приведа примеры наиболее известных нам типов предложений ¹, отметим, что при ответе на вопрос о том, существует ли необходимая связь между предложением и его отсылкой «другому», возникает реальная угроза замены рационального объяснения - психологическим. Для того, чтобы не подменить рациональный способ нам необходимо найти в предложении такую (такие) компоненту, которая бы препятствовала психологизации объяснения. Такой рациональной основой является *семантическая составляющая высказывания*: отношение имени к его значению. Другими словами, для нас чрезвычайно важно понять: содержится ли в самих высказываниях внутренняя отсылка к «другому», то есть, *необходимо ли предполагает* содержание высказывания наличие «другого». Что значит «необходимо предполагает наличие «другого»? Это значит, что предложение оказывается *бессмысленным* в его отсутствие. Теперь, когда мы поняли смысл и назначение сформулированной задачи, перейдём к анализу указанных выше предложений.

1) Рассмотрим категорическое высказывание «Земля есть планета Солнечной системы». Очевидно, что в этом высказывании утверждается о положении дел в наличном мире. Содержание высказывания *не становится бессмысленным* в отсутствии «другого». Это содержание безразлично не только к «другому», но ко всему множеству «других» - сообществу коммуницирующих субъектов. Очень хорошее иллюстративное подтверждение этому даёт история науки. Когда Аристарх Самосский впервые высказал суждение «Земля вращается вокруг Солнца» но не нашло равным счётом никакого отклика среди «других» его современников².

2) Аналогичным образом, мы не обнаруживаем никакой внутренней отсылки к «другому» и в случае экзистенциального утверждения. «Существование русалок» вообще никак не определяется фактом наличия «другого» или «других». Причём это относится, в равной мере, как ко «внешним другим», так и ко «внутреннему другому».

Поэтому, с логической точки зрения - и прежде всего, семантической - утверждение сторонников коммуникативной программы, оказывается совершенно несостоятельным. Ещё отчётливее

¹ Здесь следует отметить, что типов модальных высказываний существует огромное множество, и поэтому полное их рассмотрение не представляется возможным, во-первых, потому, что настоящая работа ставит перед собой иные цели, а во-вторых, потому, что для нас важно показать специфику модального высказывания вообще, а не дать их полный перечень и классификацию.

² Этот эпизод в науке рассмотрен нами более подробно в другой работе: Павленко А.Н. Конечное всё бесконечной Вселенной (Роль парадоксов в интересующем обосновании космологического знания)//Вопросы ИИЕТ, М. 2008, № .

это обнаруживается, если мы в качестве репрезентативного образца экзистенциального высказывания возьмём более строгий случай. Например, высказывание «коммутативность сложения ($a + b = b + a$) существует». Может ли содержание этого высказывания - существование в мире «коммутативности сложения» - зависеть от того факта, что оно «всегда к кому-то обращено?». Безусловно, нет. Коммутативность сложения, там, где она выполняется, в известном смысле, выступает как онтологический принцип устройства мира.

Ещё прозрачнее это обнаруживается на примере с числом π , если мы скажем «Число π существует». Другими словами, отношение длины диаметра к длине окружности всегда будет в геометрии оставаться одним и тем же – выраженным числом $\pi = 3,14\dots$, безотносительно к тому, существуют «другие», воспринимающие это отношение, вообще как-либо на него реагирующие, или нет. Пример с числом π хорош ещё тем, что область, к которой он применим, наглядна, так как каждый может вообразить окружность и её диаметр.

Этот же вывод можно отнести и к законам, к принципам симметрии и к постоянным величинам физики. Более того, когда Кант поставил задачу обосновать этику как строгую дисциплину, он сформулировал категорический императив, который также мыслился им как закон, то есть как такое положение, смысл (значение) которого не зависит от наличия «других», хотя и предписывает им поведение соответствующего типа. Иными словами, категорический императив, как и число π , как и «коммутативность сложения», как и законы (принципы симметрии) физики, останутся в мире даже тогда, когда исчезнет последний человек (ещё могущий обращаться к самому себе как к «другому»), именно как онтологические принципы его организации.

Следовательно, мы можем сделать результирующий вывод: экзистенциальное высказывание *не оказывается бессмысленным* в отсутствие «другого» или «других».

3) Теперь рассмотрим ситуацию с вопросительным предложением: «Имеется ли жизнь на Марсе?». В нём выражено затребование дополнительной информации в отношении наличия на планете Марс признаков жизни. Как мы знаем, вопрос является осмысленным в том случае, если его предпосылки истинны. То есть истинными являются утверждения «Существует планета Марс» и «жизнь существует». В случае нашего вопросительного высказывания, мы по существу пытаемся выяснить - существуют ли общие элементы между двумя классами элементов ; 1) классом элементов «планета Марс» и 2) классом элементов «жизнь». В рассматриваемом нами примере оба класса элементов не пусты. Значит, вопрос о наличии общих элементов является *осмысленным*. Если общие элементы существуют, то мы получаем утвердительный ответ «Да, жизнь на Марсе существует». Если общие элементы отсутствуют, то мы получаем отрицательный

ответ: «Нет, жизнь на Марсе не существует». Для сравнения, вопрос «Существует ли жизнь на Компроге?» является бессмысленным, ибо одна из его предпосылок «Компрог существует» является ложной. Почему? Потому, что класс элементов «Компрога» - пуст. Попросту говоря, такой планеты как «Компрог» не существует.

Итак, мы видим, что любой заданный вопрос основывается на предпосылках, значениями которых выступают классы элементов. Пустота или непустота этих классов никак не определяется тем - сосуществуют одновременно с существованием этих классов «другие» или нет. Возраст планет солнечной системы оценивается, как и возраст Земли, в интервале от 4 до 5 миллиардов лет, что было установлено ещё в начале 20-го столетия по радиоактивному распаду углерода. Поставить под сомнение этот факт едва ли представляется возможным. Установлено также, что «другие» - способные членораздельно высказываться о происходящем - возникают приблизительно 50-40 тыс. лет назад. Получается, что Марс и другие планеты солнечной системы существовали без «других» в среднем около 4 млрд. 450 млн. лет.

Итак, вне зависимости от того, какого типа вопрос мы задаём, его осмысленность (значение) никак не зависит от того, обращаемся ли мы вне себя к «другим» или к самим себе.

Однако, следует отметить, что мы можем задать сформулированный вопрос о существовании жизни на Марсе в виде прямого обращения к «другому»: «Скажи, жизнь на Марсе существует или нет?». Здесь мы впервые сталкиваемся с необходимостью наличия «другого». В этом случае структура вопроса усложняется. В приведённом высказывании, фактически, содержится уже не две, а три предпосылки. Предпосылка о том, что «существует жизнь», предпосылка о том, что «существует планета Марс» и предпосылка о том, что «существует собеседник». Если классы элементов всех трёх классов - не пересекаются, то вопрос оказывается также бессмысленным. Ведь обращаться к «другому» в его отсутствие – признак нарушения здоровой психики. Обратим внимание, однако, на то, что сам факт обращения к «другому» никак не влияет на основное содержание главного вопроса. Поясним : если мы просто спрашиваем «существует ли жизнь на Марсе?», то *осмысленность* этого вопроса никак не зависит от того, обращаемся ли мы к другому или нет, в силу приведённых выше причин. Но вот задать вопрос «скажи...?» окажется бессмысленным, ибо кроме признания существования того, к кому происходит обращение, в нём отсутствуют какие-либо предметные предпосылки. Это может означать только одно – данный вопрос является вспомогательным в отношении содержания основного вопроса, но никак не наоборот.

4) Теперь рассмотрим восклицательное предложение «Ты, молодец!». В этом предложении мы второй раз - с учётом уже рассмотренных выше типов предложений - обнаруживаем зависимость осмысленности предложения от наличия «другого».

Однако, даже восклицательные предложения, кроме тех случаев, когда они имеют прямое обращение к «другому», внутренне не содержат в себе этой обращённости». Например, восклицательные предложения «Вечерееет!» , «Сегодня холодно!» , являются даже по самой своей грамматической основе б е з л и ч н ы м, и поэтому не предполагает никакого обращения к «другому лицу». Иными словами, и в случае восклицательного высказывания мы не обнаруживаем *прямой* и *необходимой* зависимости смысла высказывания и его отсылки к «другому». Восклицательные высказывания могут быть, как обращены к «другому», так и не обращены к нему.

5) Наконец, рассмотрим модальные высказывания. Высказывание «Возможно, завтра наступит конец света» является модальным, ибо в нём говорится не просто о факте, который имеет место, но о том, что этот факт:

во-первых, только возможен, то есть он *либо будет* иметь место, *либо не будет* иметь место.

Другим словами, если у нас имеются только две альтернативы – а в случае с «концом света» так и есть, он либо наступит, либо не наступит – которые и определяют возможность наступления одной из них. В случае других примеров, альтернатив может быть сколь угодно много. Например, в случае утверждения «прибывающий поезд прибудет раньше или точно по расписанию или задержится» будет три альтернативы и т.д.

Говоря логическим языком, суждение «Возможно, завтра наступит конец света» выразимо языком двух операторов: «возможности» и «времени».

При этом ни модальность «возможности», ни модальность «времени» никак не зависят от того, происходит ли при этом обращение к «другому» или нет. Естественно услышать вопрос сторонников коммуникативной программы: «Почему не зависит?».

Потому, что модальность «возможность» не меняется от того, обращаемся ли мы к другому или нет.

Во-вторых, если конец света существует, то наступит он только «завтра». А выражение событий «завтра» с помощью временного оператора никак не зависит от того, происходит ли обращение к «другому».

Итак, мы убедились, что в большинстве случаев, высказывания не зависят от того факта - обращаемся мы к другому или нет. Однако, сторонники коммуникативной программы могут представить дело таким образом: содержание основных высказываний не зависит, но «в реальном общении, мы всегда обращаемся к другому». Рассмотрим этот аргумент.

Строго говоря, мы можем каждое из приведённых выше высказываний предупредить введением специального обращения к «другому»:

1) *Категорическое* высказывание «Знаешь, Земля есть планета Солнечной системы»,

2) *Экзистенциальное* высказывание «Подумай только, Русалки-то существуют».

3) *Вопросительное* предложение «Как думаешь, имеется ли жизнь на Марсе?».

4) *Восклицательное* предложение «Ты, молодец!» или «Смотри. Вечереет!»

5) *Модальное* высказывание «Как думаешь, это возможно, что завтра наступит конец света».

Мы видим, что введение дополнительных оборотов, имеющих прямую отсылку с собеседнику, никак не влияет на *осмысленность* содержания основного утверждения.

Следовательно, аргумент сторонников коммуникативной программы о том, что «не существует в принципе высказываний, которые не были бы обращены к другому» оказывается *нестрогим*. Мы показали, что смысл известных типов высказываний *в абсолютном большинстве случаев* свободен от такой зависимости. Но на чём же тогда основывается такой аргумент? Он основывается на безотчётном убеждении, принимающим часто форму предрассудка, согласно которому

Если, мы что-либо говорим, то говорим для «другого» и только для «другого».

Совершенно очевидно, что это утверждение не выдерживает никакой критики.

Как мы убедились выше, этот предрассудок имеет своей причиной полное отсутствие какого-либо анализа действительной природы предложений.

Заключение

Проанализировав два тезисы коммуникативной программы - «коммуникативное сообщество» заменяет «чистого индивида» и любое человеческое высказывание обращено к «другому» - мы установили, что:

I. *Попытка устранения индивида, обладающего неповторимыми характеристиками, и замена его «коммуникативным сообществом» (а также отрицание существования автономного индивида) приводит к нелепостям и абсурду.*

II. *Отношение имени (знака) к значению (то есть осмысленность высказывания) не зависит от того, содержится ли в самом высказывании отсылка к другому, как это мы обнаружили в случае с вопросительным высказыванием (частичная отсылка) и восклицательным высказыванием (частичная отсылка), или нет.*

III. Более общий вывод, следует из предыдущего: значение (смысл) высказывания вообще не зависит от наличия или отсутствия «других».

Безусловно, во втором и третьем выводах мы не говорим о том, от чего он зависит, но это уже другая тема и предмет для другого разговора.

Установив это, мы вправе задать вопрос: так почему же так упорно сторонники коммуникативной программы настаивают на необходимости «другого». После проведённого анализа высказываний мы вынуждены признать, что побудительная причина лежит вне границ аналитического объяснения. Существование «другого», затребованность «другого» не обнаруживается в таком анализе высказываний и не выявляется. В этом случае возникает резонный вопрос: почему же с таким упорством нам постоянно внушают, что мы иначе и обращаться не можем, кроме как к «другому».

Складывается впечатление, что «другой» и «обращение к другому» *вменяется* или даже *навязывается* в качестве необходимой компоненты объяснения природы знания. Если наше предположение верно, то перед нами открывается совершенно иная действительность - эпистемологическая реальность, в которую *насильно загоняют* субъекта эпистемологии, принуждая находиться в окружении «других». Трудно не поддасться соблазну и не увидеть в этом описанный Ф.М.Достоевским «коммуникативный острог». И здесь как нельзя лучше и, главное - точнее, подойдут слова самого Фёдора Михайловича, сказанные им в «Записках из мёртвого дома» под впечатлением пережитого на каторге: «В остроге, как и во всяком таком месте, где люди собираются в кучи не волею, а насильно, мне кажется, скорее можно поссориться и даже возненавидеть друг друга, чем на воле».

Может возникнуть естественный вопрос: какое отношение к коммуникативной программе имеет Достоевский, который жил за сто лет до её выдвижения и тем более его работа, написанная про острог, то есть про каторгу? Мы должны заметить – прямое отношение. Дело, как мы выяснили, заключается не в том, что «другие», будучи совершенно *не необходимыми* в наших высказываниях, с точки зрения их содержания, выступают в роли условия наших высказываний, а в том, что эти «другие» *пытаются принудительно вменить нам себя* в качестве такого необходимого условия. Как видим, причина и следствие меняются местами: то, что предлагается в качестве причины, оказывается лишь возможным следствием, а то, что объявлялось «другими» в качестве следствия – содержание высказываний – оказывается условием, то есть причиной. Таким образом, «другие» - это не те, кто предшествует нашим высказываниям и определяет их, а те, кто пытается нам себя *навязать* в качестве такого условия.

Пропустя говоря, нас загоняют, точнее, хотят загнать в «коммуникативный острог», в котором «другие» будут себя навязывать

в качестве «участников сотворчества», «условия самой способности высказываться» и «критерия осмысленности наших высказываний». Как видим, те самые «массы», которые еще только «восстали» во времена Ортеги-и-Гасета, сегодня прикладывают все усилия, чтобы легализовать свои права и претензии на господство, используя в нашем случае площадку «коммуникативной программы».

Это вызывает вполне оправданную экзистенциальную реакцию¹, имеющую лаконичную форму выражения: «Осторожно! Другие.»

¹ Конечно, данная работа не ставит задачу проанализировать экзистенциальные состояния человека, но не обратить внимание на эту черту коммуникативной программы, часто прямо опирающуюся на марксизм и его ответвления – такие как франкфуртская школа и др., - значит не выявить все истоки коммуникативной программы, а в конечном счёте и не понять к чему и куда ведут следствия этой программы. Конечно, область исследования данной работы связана с эпистемологическим анализом интерсубъективности и, поэтому, вполне может прозвучать упрек в вульгаризации философского анализа за счёт его наложения на совершенно далёкую для него область политологии. Однако мы все помним, как возбуждённо горели глаза первых марксистов в России во второй половине 19 века, и как потом они потухли, когда марксизм прошёл фазу вогосударствления, а сами первые марксисты пошли этапами в «марксистско - ленинско - свердловские» концентрационные лагеря.